

ПРОЩАЯСЬ С ВЕКОМ...

Продолжаем публикацию отрывков из трудов выдающихся ученых, экономистов и политиков, государственных и общественных деятелей XX века (см. №№ 2 — 3, 2000).

На этот раз мы обратились к работам Г.Я. Сокольникова (1888 — 1937), наркома финансов, с чьим именем связана известная денежная реформа 1922 — 1924 годов. Это была, по существу, первая попытка преодоления тупиков командной экономики и перехода к рыночным отношениям с присущими им финансовыми, кредитными, ценовыми механизмами.

Г.Я. СОКОЛЬНИКОВ

ПЕРЕМЕНА «КУРСА» В ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Финансовая политика РЕВОЛЮЦИИ. М., 1925.

Финансовая политика переживает в связи с переменой "курса" резкий перелом. Если в предыдущий период наступление бралось на отмирание денег, на натуральный (материальный) бюджет, на продуктообмен и т. д., то теперь в основу твердо кладется положение, что деньги неизбежно будут существовать, пока существует товарный рынок и товарное хозяйство, и задачей финансовой политики ставится создание устойчивой денежной системы, перестройка бюджета применительно к денежному хозяйству (денежные налоги), восстановление кредитного аппарата (банки). Перелом, который многим кажется головокружительным. Но в действительности подобно тому, как в вопросе об организации промышленности (государственно-капиталистические тресты, концессии), так и в вопросах финансовой политики, наша партия при «новом курсе» в значительной мере лишь возвращается к «старому курсу» 1918 г., когда ни ликвидация банковского аппарата, ни уничтожение денег, ни отказ от денежных налогов и т. п. ни в какой мере не стояли в порядке дня.

...Разверстка была системой «налога гражданской войны» с предъявлением плательщику «вооруженных аргументов», побуждавших к немедленной уплате... она в качестве системы изъятия всех излишков в натуральной форме приводила к сокращению оборота денежных знаков, сжимая последний до ничтожных размеров. Таким образом, «разверст-

ка», укрепившись как система на почве обесценения денег, сама превратилась в могущественный фактор их дальнейшего обесценения, которое, чем дальше, тем больше затрудняло переход к денежным налогам. Отмена разверстки, замена ее продналогом (также натуральным, но оставляющим значительную часть излишков в руках мелких производителей и санкционирующим товарный оборот) повлекла за собой изменение оценки денег товарным рынком и открыла некоторую возможность для перестройки советского финансового хозяйства на основе денежноналоговой системы.

...Крах денежных оценок ставил вопрос о выработке новых форм учетных единиц, но их еще не существовало. «Натуральная» бухгалтерия при хозяйственных центрах записывала, сколько и кому назначено и роздано, она кое как учитывала распределение тканей, сапог, калош (воровство «натурально» процветало, несмотря на эту натуральную запись!). Но она совершенно не могла бухгалтерски проследить за превращением, даже в весьма скромных размерах, сырья в полупродукт и последнего — в продукт. Отсюда — крайняя бесхозяйственность главкистской системы, с одной стороны, полное отсутствие счетоводнического базиса для банковского учета — с другой. Финансирование промышленности через банк стало бессмыслицей, ибо оно свелось к выдаче денежных знаков из казначейства по сметам. Банк умирал. Его похоронили, и — сознание определяется бытием —

соответствующая теория вбила в крышку его гроба потребный идеологический гвоздь. Теперь, в новых условиях, и этот Лазарь воскресает из мертвых.

Торжество натуральной разверстки (паралич денежных налогов) и натурального распределения (связанного в значительной мере с параличом производства) не означало, однако, паралича эмиссионного аппарата: наоборот, они подхлестывали его работу выпуска бумажных денежных знаков. Но чем больше росло количество выпущенных миллиардов и т. п., тем больше распространялась точка зрения, согласно которой

бумажно-денежный потоп должен иметь своим благополучным концом смерть денежной системы (для такой благой цели, естественно, стоило потрудиться и выпустить как можно больше бумажек). Но в особенности теперь не может быть сомнения в том, что эта теория была только своего рода «дитя нужды», ошибочно стремившаяся «нужду» превратить в «коммунистическую добродетель». Покоилась она в действительности на двух ошибочных положениях, анализ которых не потерял еще и интереса «современности».

Первое положение гласило, что новые и новые выпуски бумажных денег ведут к их обесценению, т. е. в пределе — к нулевой цене, т. е. — к аннулированию. Это положение неверно потому, что при прочих равных условиях покупательная способность всей суммы выпущенных денежных знаков остается неизменной, т. е. каждый отдельный знак обесценивается в обратном отношении к количественным размерам выпуска, но помножение этого отдельного знака на численно выросший выпуск дает прежнюю величину покупательной способности (в золоте или, точнее, в продуктах). (Декрет об обмене ранее выпущенных дензнаков на знаки 1922 г. в пропорции 10 тыс. старых рублей равны одному новому рублю пытается втолковать всем и каждому, что число нулей, приставленных на дензнаке к единице, не влияет на ее «ценностное» значение. Раньше сторонники теории «самоотрицания» денег приписывали этим приписным нулям магическую «аннулирующую» силу.)

Второе положение гласило, что «смерть» денег происходит постольку, поскольку в силу быстро падающей их покупательной способности товарный рынок начинает их бойкотировать и переходить к натуральному обмену. Ошибка этого «рассуждения» в том, что здесь ставился логический знак равенства между деньгами и советскими денежными знаками. Вытеснение советских знаков из товарооборота не означало уничтожения денег, а означало лишь «оденужение» товаров. Денежный характер распределения определяется характером производства; раз товарное хозяйство сохраняется, оно приспособляет для роли денег наиболее подходящий товар — муку, овес, масло, соль (в спекулянтских кругах — золото), иногда несколько товаров, пока не выработается общий эквивалент (см. первоначальные пособия по марксист-

ской политической экономии!). Превращение подсолнечного масла в деньги («оденужение») и превращение советского рубля в бумажный лоскуток были двумя сторонами одного и того же процесса, который означал начало финансовой катастрофы (при старом курсе) для Советской власти и экономическое «самоопределение» товарного рынка, но никак не означал «смерти» денежной системы.

...Начало упорядочения положено составлением бюджета, который объявляет войну бессознательно укоренившемуся соображению, что «денег жалеть нечего», ибо «не все ли равно, сколько напечатать», сокращением эмиссии и заключением ее в железные рамки; введением денежных налогов; организацией Государственного банка, который, развиваясь как кредитное учреждение, сможет сокращать потребность в наличных денежных знаках; переходом части государственных предприятий на хозяйственный расчет; разгрузкой государства от массы мелких, ненужных убыточных предприятий; сокращением ненормальных паразитических орд, заполонивших советские учреждения и т. п. Но до финансового «благополучия» еще далеко; смешно бить в большой барабан и восторгаться достигнутыми успехами.

Например, наш бюджет несомненно страдает крупнейшими недостатками. В первую очередь он не является единым по конструкции, а распадается фактически на натуральную и денежную часть; хотя натуральные доходы и «натуральные» передвижки продуктов между ведомствами также исчислены в деньгах, но исчисление этих денежных величин очень условное и неточное; с другой же стороны, система натуральных передвижек в условиях господства денежных отношений на рынке может оказаться неосуществимой полностью. Уже теперь сплошь и рядом одно государственное учреждение «ведет дела» с другим государственным же учреждением только за наличные деньги, которые обоим до зарезу нужны, и такой порядок объясняется не злой волей трестовиков, а теми отношениями, в которых они стоят к товарно-хозяйственной периферии, облекающей их и развивающей давление на них, согласно законам логики товарных отношений. Смягчить это противоречие, по видимому, в некоторой степени возможно введением системы чековых расчетов, поскольку чек, не являясь деньгами, все же будет функционировать как денежный документ. Но этим противоречие не будет устранено и будет давать себя чувствовать при выполнении бюджета. Другим недостатком бюджета является лишь приблизительный характер определения доходов от денежных налогов. Это объясняется тем, что не прочной базы для вычислений. Нет опыта, который можно было бы учесть. Доход может оказаться в действительности больше, может оказаться и меньше.

с первых слов необходимо устранить возможное недоразумение, дело не идет о «гарантии» размена бумажных рублей на металл, что для данного момента является экономической невозможностью. «Гарантированный» рубль, о котором будет идти речь, есть бумажный денежный знак, частично стабилизированный в пределах бумажного же обращения. Но возможно и другое недоразумение, противоположное первому: можно предположить, что «гарантированный» рубль должен явиться основой устойчивой чисто бумажной денежной системы, которая не нуждается в металлическом базисе. Такая конструкция бумажной стабилизации при наличной российской и мировой обстановке, т. е. при сохранении за мировым рынком капиталистического характера, была бы утопией (вроде утопии международных бумажных денег со стабилизированным курсом, которая находила приверженцев среди буржуазных экономистов мелких нейтральных стран, как Швейцария, Голландия, Швеция, страдающих от экономической войны между крупными хищниками, влекущей тяжелые валютные потрясения для маленьких посредничающих буржуазных стран, которые по этому «пацифистски» настроены по отношению к войне валют, подобно тому как они были оплотом утопического пацифизма и антимилитаризма).

Стабилизация рубля на основе металлического обеспечения — этот курс должен быть взят теперь же, и вся денежная политика должна иметь своей целью осуществление этой задачи. Но это не исключает возможности *паллиативов*, т. е. таких мер, которые теперь же стремились бы до известной степени и в ограниченных областях парализовать кричащие отрицательные последствия неустойчивости бумажной валюты. Именно такой смысл имеет попытка создать бумажный рубль, «гарантированный» (более или менее) от прогрессирующего обесценения.

«Создание» такого гарантированного рубля возможно посредством «материализации», воплощения в бумажном денежном знаке того условного довоенного (золотого) рубля, в котором вычислен бюджет 1922 г., в котором определяются ставки налогов, в котором исчисляются цены продукции государственных трестов, в котором предположено установить ставки железнодорожных тарифов и т. д. Что представляет собой этот условный «довоенный рубль»? Он вычисляется посредством деления денежной суммы, взятой в советских знаках (в определенный момент), на коэффициент обесценения советских дензнаков (по отношению к старому рублю) к этому же моменту. Если пуд белой муки стоит на рынке 200 тыс. руб., а «рубль» обесценился, как показывают специальные вычисления, в 100 тыс. раз, то, следовательно, цену пуда муки можно условно определить в два довоенных рубля. Какими методами производится вычисление степени обесценения рубля, здесь нет возможности рассмотреть. Эти методы

не дают математически точных результатов, но при тщательной строго научной постановке наблюдения колебаний цен на рынке они дают практически приложимые данные о росте и падении средних уровней цен, так называемый «индекс-нумберс».

Довоенный рубль как условная единица (символ) денежного счета и расчета получил уже полное право гражданства в нашей финансовой системе. Курс перевода этого довоенного рубля на советские денежные знаки на каждый месяц будет опубликовываться Наркомфином на основании статистических исследований, порученных с этой целью особому учреждению при нем. Если, например, Совнархоз какой-либо автономной республики должен получить по смете 1922 г. по 100 тыс. довоенных рублей в январе, феврале и марте, то он получит при переводе на советские знаки в январе, принимая курс перевода — 100 тыс. советских за один довоенный рубль, — 10 млрд. руб.; в феврале, принимая (примерно) курс перевода в 120 тыс. за один, — 12 млрд. руб.; в марте при курсе 110 тыс. за один — 11 млрд. руб. и т. п.

Колебания цен не отражаются на довоенном рубле, «поскольку он сам определен именно через учет, этих колебаний».

Чем точнее учет, тем более «довоенный рубль» устойчив, т. е. соответствует рыночной конъюнктуре, рыночным ценам при переводе его на советские денежные знаки.

Воплощение этого «символического» золотого довоенного рубля в банковском билете (Госбанка), беспрепятственно обмениваемом в государственных кассах на советские дензнаки по последнему курсу, установленному Наркомфином, приводит к созданию рубля, гарантированного (более или менее) от резких колебаний его «ценности».

Чем, однако, будет «обеспечен» подобный банковский билет? Он «обеспечивается» только размерами товарооборота и максимально точным учетом изменения цен (при этом учреждение, определяющее эти изменения, приобретает, естественно, совершенно исключительное по важности значение и должно быть соответственно этому своему значению реорганизовано). Но так как такой банковский билет предполагает возможность размена на советские денежные знаки, то ясно, что он не может полностью заменить их, а может и должен лишь *замещать их*, лишь существовать наряду и вместе с ними, лишь частично «корректируя» существующую бумажную систему, являясь в ней только островом устойчивости. Тем не менее даже в этих пределах «гарантированный» (банковский) рубль имел бы крупное значение. Возможность *дальнейшего роста* этого значения не исключена, но без практической проверки, сейчас эта возможность является величиной неопределенной.